

Кинорежиссер

Егор КОНЧАЛОВСКИЙ:

АЛЕКСАНДР ЯНОВ

«В ограничении западного кинопроката есть смысл»

ВЕСТА БОРОВИКОВА

В эти дни известный режиссер Егор Кончаловский приступает к своему новому проекту – политическому детективу под названием «Консервы». О том, почему ему не удастся вырваться из амплуа «успешного режиссера боевиков», и о проблемах восприятия нашего кино за рубежом Егор КОНЧАЛОВСКИЙ рассказывает в интервью «Новым Известиям».

– Егор Андреевич, помните, вы заявляли: «После «Антикиллера-2» я смогу делать все, что хочу». Второй «Антикиллер» снят. Ваши мечты осуществляются?

– Нет. Не совсем. Я собирался снять фильм «Морфий» по булгаковским «Запискам юного врача», но так и не смог найти финансирование для этого

проекта по причине реформ Министерства культуры. Продюсеры предложили мне делать картину с Евгением Мироновым, с которым работать я хотел. Но сценарий-то был «не мой». Так что «Побег» был определенным компромиссом. Сейчас делаю историю, которую делать хочу. Ко мне пришли продюсеры и сказали: «Мы хотим делать экшен!» Спрашиваю: «Какой?» Говорят: «Любой!» Пошел к сценаристу Юрию Перову и сказал: «Хочу делать экшен!» – «Какой?» – «Любой!» Вот он и написал «любой» сценарий. Картина будет называться «Консервы». Главную роль сыграет Марат Башаров. Картина запущена, даст бог, скоро начнутся съемки. Хотя в кино часто появляются непреодолимые обстоятельства, когда все рушится в последний момент. У меня так было с картиной «Охота на пираний», когда за три дня до начала съемок развалилась империя Гусинского, которая финансировала проект. Надеюсь, на сей раз так не случится.

Новые известия 2005-16 ноя - стр. 15.

Окончание на стр. 5

«В ограничении ... есть смысл»

Окончание. Начало на стр. 1

— Если бы у вас были необходимые деньги, что бы вы сняли?

— Вообще, идеальная ситуация может быть сколь позитивна для осуществления проекта, столь и негативна. Мне кажется, должны быть определенные трудности на пути. И нужно находить возможность, и ресурс, и хитрость эти сложности решать. Потому что когда идеальная ситуация, то тогда все легко. А когда все легко, это может достаточно сильно повредить ситуации. Я не сторонник идеального мира. Можно окрестить ребенка идеальным миром, но хорошо ли это? А поскольку все люди — дети, и остаются ими до конца своих дней, то этот принцип продолжает работать всегда. Если же говорить не об идеальной ситуации, а о большом количестве денег, я бы снял историческую картину на казахской земле, вернее, доисторическую — пятьсот лет до нашей эры.

— Можно ли поподробнее рассказать об этом?

— Нельзя. Потому что украдут. Хотя в принципе, даже если украдут, сделаю ее второй раз. И посмотрим, у кого будет лучше! Хочу снять картину о скифах — тотальную, серьезную, античную картину о скифах.

— Вы предпринимали какие-то шаги?

— Пока нет. Пока то, что я слышу и вижу, связанное с казахским кинематографом, наводит меня на мысли о том, что он находится в еще более несовершенном состоянии, чем российский. Я готов подождать, пока ситуация выровняется.

— Об успехах российского кинематографа говорят много. Но почему же, на ваш взгляд, российские фильмы сегодня не отбираются и не оцениваются на европейских фестивалях?

— Ну, во-первых, они иногда все же оцениваются. Та же картина Звягинцева «Возвращение» была весьма и весьма оценена не одним фестивалем. А в общем и целом они не оцениваются, потому что они не заслуживают того, чтобы быть оцененными мировой аудиторией. Тематика и проблемы, которые поднимаются в российском

кино, не представляют никакого интереса для усредненного, весьма и весьма ограниченного среднего западного зрителя.

— Как вы относитесь к идее Госдумы законодательно ограничить западный прокат?

— Здесь есть и плюсы, и минусы. С одной стороны, вводя ограничения, мы создаем не рыночные отношения, а определенный фаворитизм. Это, на мой взгляд, в некотором смысле будет мешать развитию российского кинематографа, потому что единственная, на мой взгляд, честная и правильная вещь — это справедливое соревнование. Но, с другой стороны, конечно, наша индустрия сейчас находится в стадии оздоровления. И все равно не может котенок победить слона, как бы они честно ни соревновались. Поэтому в ограничении, может быть, и есть свой смысл. Во Франции, например, подобное ограничение существует.

— Судя по всему, вы прагматик, причем не только в отношении работы. Вы как-то сказали: «Эмоции — вещь сознательная. Захотел — полюбил. Не захотел — прошел мимо». Или вы это сказали сгоряча?

— Нет. Мне кажется, чтобы влюбиться, требуется время. В любовь с первого взгляда я не очень верю. Знаете, можно идти по магазину сантехники и увидеть прекрасную душевую кабинку с паровой баней. Она очень красиво выглядит снаружи. А когда ты приглядываешься, оказывается, что она сделана где-нибудь в Юго-Восточной Азии и совсем не такая хорошая, как кажется с первого взгляда. Мне кажется, что с человеческими взаимоотношениями почти так же. Чтобы по-настоящему полюбить, требуется время. А этим временем можно манипулировать. Можно воздержаться. Сознательно.

— Вы считаете, что эмоциями всегда можно управлять?

— Помню, меня бросила одна девушка. Я ужасно расстроился. Три дня света белого не видел. А потом, когда все проанализировал, то понял, что, во-первых, я сам сделал все, чтобы она меня бросила, а во-вторых, она была последней вещью в мо-

ей жизни, которая мне была нужна. Расстроившись я чудовищно. Почему? Потому что потерял. А людям свойственно расстраиваться, когда они теряют не нужные для себя вещи.

— То есть «главное в отношениях с женщинами — это ощущение власти над ними»? Опять цитирую вас.

— Знаете, это я давно, наверное, сказал. Сейчас, живя семейной жизнью, может быть, я чуть-чуть пересматриваю свою точку зрения. Но не во многом. Существуют разные люди. Я люблю контролировать все, что происходит вокруг меня. То есть не люблю хаоса. И в том числе хаоса во взаимоотношениях. Люблю подчинять окружающую среду себе. В той степени, в которой я могу это сделать. Я не люблю глобальных сюрпризов. Это, видимо, инстинкт самозащиты. Хотя, в общем и целом, пусть я это и сказал давно, я с этим согласен и сейчас.

— А как вы строите отношения с родителями? Ваш отец, Андрей Кончаловский, как-то в беседе со мною признался, что он вам никогда не звонит, дескать, это ваша обязанность. На ваш взгляд, кто должен звонить первым?

— Вообще, скорее должен звонить я. И не потому, что это моя личная идея. Когда отец уехал в Америку, он всегда звонил родителям. Наша семья достаточно консервативна во многих вещах. Хотя и не во всех. И у нас отношения построены таким образом, что дети должны проявлять уважение к родителям. Нужно принять во внимание и то, что все мужчины у нас очень и очень самостоятельны. Даже мой дед (Сергей Михалков. — «НИ»), будучи в весьма почтенном возрасте, живет очень самостоятельной жизнью. Нельзя сказать, что все время вокруг него вьется куча родственников. Нет. Мы можем встретиться... Встречались третьего дня, я пригласил его в ресторан, и мы пообщались, но в целом он живет самодостаточно. Так же и мой отец. Он очень самодостаточный человек, и я не думаю, что он сильно страдает оттого, что я ему не позвоню неделю или две.

— А вы?

— Я тоже. Абсолютно. Поскольку всегда чувствую его существование, и, надеюсь,

он чувствует мое. И все-таки звонить должен я ему, а не наоборот.

— Вы родились, когда вышел «Первый учитель», принесший вашим родителям славу. Кто занимался вашим воспитанием? И почему вы не любите эту картину?

— Это не так. Я не могу сказать, что я не люблю эту картину. Но я был бы не откровенен, если бы сказал, что я с безумным азартом каждый раз ее смотрю. Я смотрел ее много раз в своей жизни, но мне ее смотреть несколько скучно. Так же, как мне скучно смотреть Тарковского, Бергмана и многих режиссеров, которых считают гениальными. А моим воспитанием, конечно, занималась мама.

— Но ведь в те годы у нее был довольно активный творческий период?

— Конечно, она много ездила, у нее были съемки. Я часто гостил у бабушек в Алма-Ате и на Николиной горе, проводил с ними лето, но все равно, безусловно, это была мама. Хотя я не миновал пятидневки в детском саду. Но это был неплохой детский сад Союза писателей...

— Из окон которого вы видели окна вашей квартиры...

— Да, видел свое окно.

— И вам не было обидно?

— Конечно, было. Ребенку всегда хочется домой больше, чем оставаться в детском саду. С одной стороны. С другой — мне кажется, что дети должны общаться со своими сверстниками как можно больше — и конфликтовать, и решать эти конфликты. Дома ты находишься в изолированном состоянии, по определению. А там со мной вместе было громадное количество детей советских писателей, на том же самом положении — на пятидневке. И точно так же их родители жили рядом в домах Союза писателей. Я не чувствовал себя ущемленным ни в коей мере. Там была достаточно насыщенная жизнь. Так что чувство обиды быстро проходило. Вот в армии — другое дело. Я долго не понимал, за что меня послали в армию. Хотя я сам хотел туда пойти. Но поскольку Советская армия была очень похожа на тюрьму, то, когда я туда попал, я долго не понимал, за что я должен страдать.

Егор КОНЧАЛОВСКИЙ родился 15 января 1966 года в Москве в семье режиссера Андрея Михалкова-Кончаловского и актрисы Натальи Аринбасаровой. В 80-х годах служил в армии. В 1990 году окончил международную школу St. Clares в Оксфорде, в 91-м — Кенсингтонский бизнес-колледж. Магистр истории искусств Кембриджского университета. Режиссер более 120 рекламных роликов известных западных брендов. Снимал также музыкальные клипы. В 1999 году дебютировал в игровом кино с фильмом «Затворник». В 2002-м вышла вторая картина — «Антикиллер», принесшая ему лавры режиссера коммерческого кино. В 2003-м появился на свет его «Антикиллер-2». В 2004-м снял боевик «Побег» с Евгением Мироновым в главной роли, получивший в этом году на V Международном фестивале продюсерского кино в Ялте приз зрительских симпатий.

— Кто-то сказал: для того, чтобы творить, нужно страдать...

— Страдания существуют разные. Я это очень хорошо знаю, потому что в Кембридже я изучал историю искусств и биографии различных художников. Одни, как Гейнсборо, не страдали, пили чай с королевой и остались в веках великими. Не считаю, что художник обязательно должен сильно страдать. И что степень его страдания прямо пропорциональна степени глубины образов, им созданных. Это ерунда. Существует громадное количество артистов, жизнь которых была тяжела и страшна и которые тем не менее навсегда остались бездарными людьми. И наоборот. Я знаю много благополучных людей, которые ухитрились оставить след в ис-

тории кино. Прямой связи я не вижу. Как это со стороны ни цинично звучит. Считаю, что людям с тонкой психикой, хрупко организованным, нельзя много страдать. Их небольшое страдание может сломать. Не надо посылать их на Колыму или в Советскую армию.

— То есть в вашей жизни никогда не было ситуации, когда вам приходилось собирать себя по кусочкам, чтобы снова найти в себе силы жить?

— Ну, вы знаете, разорвать себя на куски тоже надо постараться!!! Конечно, существуют катастрофы в жизни людей, которые человека убивают. Такой категории вещи, как пережить своего ребенка. Но таких вещей, которые заслуживают личного коллапса, поверьте, не так много.